

*И хотя за лежащими на горизонте
горами и ледниками реяли альбатросы
и жили индейцы, здесь мне уже не о чем
было рассказывать, а значит, ничто не
держало меня в этом месте... И эта
пустота, способная превратиться
в начало для какого-нибудь отважного
первопроходца, стала концом
для меня...*

Пол Теру
«Старый патагонский экспресс»

11 октября 1914 года. Ресторан «Вена»

— Значит так, любезный... Принеси-ка нам полштофчика водочки, ну и к ней... сам знаешь чего...

— Сделаем-с!

— Да, и еще сельтерской...

— Сию минуту!

«Сам знаешь чего» означало: севрюжью икорку на льду, балык, нарезанный правильными ломтями, свежайшую керченскую селедку с чуть запеченым картофелем, горячие пирожки с визигой, соленые рыжики в сметане, моченую клюкву в небольшом фаянсовом лукошке и теплые ржаные филипповские хлебцы, укрытые салфеткой. Последним штрихом был собственного изготовления, фирменный гусиный паштет, с полоской брусничного желе и кубиком бело-желтого вологодского масла. Все было доставлено на огромном металлическом подносе и быстро и толково расставлено на столе, покрытом белоснежной скатертью.

Ресторан «Вена» на углу Большой Морской улицы и Гороховой был знаменитым и довольно дорогим. На его кухне были установлены два больших аквариума, в которые с помощью немецкого насоса подавался кислород для осетров. Рыбам было тесно и страшно, но они обязаны были оставаться живыми до того, как ими займутся повара. Во втором аквариуме плавала стерлядь, из которой готовилась, пожалуй, лучшая в Петербурге стерляжья уха.

Но не только этим был знаменит ресторан «Вена». Знатокам было известно, что в зале на втором этаже имелась неприметная дверь, всегда закрытая на ключ, за которой узкий коридор вел в два отдельных кабинета. В каждом стоял стол на шесть кувертов и небольшой сервировочный столик. Помимо стульев, у окна находился кожаный английский диван, а стены были обиты голландской портьерной тканью, поэтому ни один звук не проникал наружу. Именно здесь серьезные люди могли спокойно обсудить важные вопросы или же, наоборот, совсем забыть о них с не очень серьезными дамами.

Сегодня, 11 октября 1914 года, в пять часов вечера метрдотель «Вены» Федор Кошелухов отпер своим ключом дверь из залы и пропустил в дальний кабинет двух посетителей. Один из них, высокий, с прямой спиной офицера и в прекрасно сшитом пальто, прошел в кабинет первым и не сел за стол, а удобно устроился на диване. Он достал простой серебряный портсигар, вынул из него папиросу, заку-

рил, слегка откинулся на мягкую спинку и выпустил струю голубого, вкусного дыма. Второй господин был пониже ростом, но со спортивной фигурой. На нем был вошедший недавно в моду плащ «Макинтош» и авиаторская кепка с большим козырьком. Он и сделал заказ почтительно наклонившемуся официанту. Тут дверь отдельного кабинета приоткрылась, и вошел человек с широким монголовидным лицом и седой нерусского фасона бородкой, в черной круглой, похожей на академическую, но расшитой мулине шапочке и с тростью. Сидевший на диване господин легко поднялся и за руку поздоровался с вошедшим. То же самое сделал и второй. Все перешли к столу и сами разлили по рюмкам водку.

Все трое сидящих за столом отдельного кабинета ресторана «Вена» были людьми не просто известными в столице, их узнавали даже на улицах и в собраниях. А провести вечер в компании любого из них была большая удача и удовольствие.

Вошедший последним был действительный статский советник, дипломат, знаменитый врач тибетской медицины, крестник императора Александра III и доверенный корреспондент Николая II Петр Александрович Бадмаев. Невысокий господин, скинувший модный плащ и кепку, был авиатором, который год назад в Царском Селе, на «авиационной неделе», в присутствии августейшей фамилии установил рекорд высоты, поднявшись на аэроплане аж на тысячу сто метров, за что получил из рук Его Величества Николая

Александровича золотые часы с его вензелем, выложенным мелкими бриллиантами. Звали его Тимофей Ефимов. Тот, что при появлении Бадмаева потушил папиросу, был полковник Главного штаба, барон Карл Густав Маннергейм. Разговор едва начался, как в дверях возник официант и вежливо поинтересовался, «не изволят ли господа чего-нибудь еще?». Взмахом руки его отослали и велели не беспокоить. Мягко отступая, официант исчез, плотно прикрыв за собой дверь.

Пять с половиной лет назад полковник Маннергейм вернулся из двухлетней разведывательной экспедиции, организованной Генеральным штабом армии. А началась экспедиция 19 июня 1906 года, когда барон Маннергейм с 490 килограммами багажа выехал на поезде из Петербурга через Москву до Нижнего Новгорода. Там он сел на пароход и через Казань, Саратов, Астрахань и Баку доплыл до Красноводска (Кызыл-кула, «красная вода»), где снова погрузился в единственный пульмановский вагон поезда Закаспийской железной дороги и в нем пересек каспийские пустыни. Затем через Бухару и Самарканд полковник добрался до столицы Туркестанского военного округа — Ташкента. Собственно, отсюда и начиналась сама экспедиция по северным территориям Цинской империи. Всю дорогу он не выпускал из рук большой кожаный кофр, в котором лежал фотоаппарат «Kodak» последней модели, тысяча восемьсот шестьдесят пять стеклянных фотопластин и прочные бьюксы с химическими реактивами для проявки фотоснимков.

Преодолев верхом тысячи верст по китайскому Восточному Туркестану и внутренним провинциям Цинского царства, барон Карл Маннергейм не только блестяще справился с задачами, поставленными русской разведкой, но собрал и привез целую коллекцию этнографических и археологических материалов. Древние рукописи, книги, гербарии, образцы оружия и одежды, предметы быта и украшения, инструменты, богато украшенные седла, ковры, нумизматические редкости и 1543 прекрасные фотографии. Все было представлено ученым в Петербурге и Гельсингфорсе. Рекогносцировочные карты, координаты переправ и едва заметных в пустыне дорог, сведения о китайской армии, описания укрепленных пунктов и крепостей — эти документы осели в недоступных глубинах Генерального штаба. Но не они заставили трех уважаемых господ собраться в отдельном кабинете ресторана на Большой Морской.

Инициатором встречи был Петр Александрович Бадмаев. Интересы его простирались от тайных тибетских практик и составления натуральных лечебных смесей до стратегических планов политики России на востоке, освоения пустынных земель и укрепления влияния вдоль всего края восточных границ империи. Именно ему принадлежала идея создания железнодорожного пути из центра страны, вдоль Байкала и Амура на самый, самый восток, до края Японского моря, о чем и говорилось в пространном документе, поданном им на Высочайшее Имя. Первая реакция

из дворца на эту докладную была серьезно-благоволительная. Но через неделю началась Русско-японская война, и всем стало не до этого...

Дело в том, что на двух фотографиях, привезенных бароном Маннергеймом из экспедиции и выставленных им в Императорском географическом обществе, Бадмаев заметил человека, которого безуспешно пытался разыскать уже более пяти лет. Видимо, для него это представлялось настолько важным, что он даже собрался организовать на собственные средства еще одну экспедицию в Бурятскую Монголию, но уже с использованием совершенно невиданных средств, двух аэропланов из отряда молодой русской авиации. Это было настолько ошеломляюще дерзновенно, что, услышав предложение, сидевшие за столом мужчины на мгновение замолчали... Тимофей Ефимов так и застыл с рюмкой в руке, глаза его заблестели, и он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут раздался спокойный голос Маннергейма:

— Петр Александрович, дорогой! Идея замечательная, но вы знаете, что лошадей и верблюдов там керосином не заправляют... Его там вообще нет... Как же вы полетите? А еще песчаные бури... А для мотора песок — это смерть...

Тут уж не выдержал авиатор Ефимов:

— Простите, полковник, но бензин мы на тех же верблюдах и доставим... А что касается моторов, то в последних моделях «Фарман-4» мотор закрыт, но,

конечно, проблема есть... — И он залпом выпил рюмку.

Интересно, что ни один из присутствующих так и не задал Бадмаеву самый главный вопрос, а зачем ему это нужно, что он вообще хочет найти в том диком и очень далеком краю? Была ли то просто петербургская деликатность, или это их не очень интересовало, мы уже не узнаем... Проведя за столом в отдельном кабинете полтора часа, мужчины, пожав друг другу руки, разошлись. Авиатор Тимофей Ефимов подозвал извозчика и велел тому везти его на Царскосельский вокзал. Барон Густав Маннергейм вышел на Невский, где купил в кондитерской «Беранже» пирожных, и тоже подозвал лихача на шинах-«дутиках», на котором скрылся в направлении Аничкова моста. А действительный статский советник Петр Александрович Бадмаев, как всегда, пешком двинулся в направлении Николаевского моста, и дальше на Петербургскую сторону к Крестовскому острову.

В этот же день, 11 октября 1914 года, броненосный крейсер «Паллада», водоизмещением семь тысяч восемьсот тонн, совместно с броненосным крейсером «Баян» возвращавшийся из дозора в устье Финского залива, на траверсе Ревеля, в восьмидесяти километрах от берега, был атакован германской подлодкой «U-26».

Торпеда, попавшая ниже ватерлинии в самый центр борта, взорвала погреба. Крейсер почти мгновенно затонул. Все 584 члена экипажа погибли. Спасать было некого, ибо на месте взрыва не плавало ни

единого живого человека. Даже не было трупов... Это объяснялось тем, что в момент взрыва весь личный состав, кроме вахтенного отделения, обедал во внутренних помещениях корабля и не успел выскочить на верхнюю палубу.

Это была первая ужасная жертва новой подводной морской войны. Спустя неделю в районе Ганге к берегу прибило тело старшего артиллерийского офицера «Паллады» лейтенанта Л. А. Гаврилова, оказавшееся привязанным к какому-то дереву и без сапог. Когда он успел снять сапоги, достать дерево и привязать себя к нему, навсегда останется загадкой. То было единственное тело, отданное морем, из всего личного состава корабля. А через три дня после взрыва у острова Кокшер нашли всплывший из пучины судовой образ крейсера «Паллада» — Спаса Нерукотворного, к всеобщему изумлению не имевший на себе не только никаких повреждений, но даже царапин.

За девять месяцев до встречи в петербургском ресторане «Вена» в предгорьях Анд, в Перу, двадцатичетырехлетняя Кармэла Меса де Баракса, археолог, красавица и начинающая писательница, проводила раскопки на склоне, нависшем над долиной реки Урубамбы. (В это же время в восемнадцати километрах от нее со своей группой находился профессор Йельского университета Хайрам Бингэм, обнаруживший таинственный город Мачу-Пикчу.) Кармэле и ее груп-

пе повезло сразу. Они просто наткнулись на поросшую листовидной опунцией грудку камней с идеально ровными, обработанными краями. Это, как она и предположила, оказалась гробница. Через два дня работы показалась большая гладкая плита из черного базальта. Был вечер, стало темно и очень холодно. Работу решили отложить на утро. Кармэла де Баракса вернулась в палатку и выпила горячего чаю с двумя листиками коки и ромом. Она согрелась, но от волнения не могла уснуть.

Около часа ночи она взяла фонарь и снова отправилась к саркофагу, сама не зная зачем. Посветив на плиту, она заметила, что та как будто чуть-чуть сдвинулась. Кармэле, конечно, показалось. Базальтовая плита такого размера весила не меньше 300–400 килограмм, да и этого вообще не могло быть...

Она подошла поближе, и тут на ее глазах плита с легким скрежетом поползла в сторону, и из черной щели потянуло запахом склепа. Крышка глухо стукнулась о землю, и в темном прямоугольнике блеснули золотые одежды. Кармэла тихо вскрикнула и выпустила из рук фонарь. В этот миг из темноты поднялась полуистлевшая рука, унизанная перстнями, и схватила ее за ремень комбинезона. Кармэла потеряла сознание.

Надо напомнить, что все это происходило в 1914 году, когда еще не было ни Голливуда, ни Хичкока, ни индустрии кинематографических ужасов. Стояла холодная ночь в предгорьях Анд, огромные

ОГЛАВЛЕНИЕ

11 октября 1914 года. Ресторан «Вена»	5
Петербург. Набережная Фонтанки.....	16
Тень Рериха	23
Мадагаскар.....	29
1920 год. Сибирь	44
Тихий океан. Федеративные Штаты Микронезии..	61
Патагония	84
Южная Африка. Следопыт.....	99
Окрестности Петербурга. Синявинские болота ...	109
Мехико	119
Встречи.....	133
Шаг в сторону. Отход	147
Версии.....	154
<i>Именной указатель</i>	<i>158</i>